

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.76.11.003

УДК 32

Д.А. ТАЛАГАЕВА

кандидат политических наук, доцент
кафедры английского языка № 6 МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва
E-mail: d.talagaeva@mail.ru

Д.Ю. КОЧЕРИНСКИЙ

аспирант кафедры мировых политических
процессов МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва
E-mail: kocherinskyi.danil@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ И ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

В статье рассматривается, как этика искусственного интеллекта связана с режимами научно технологической политики и концепцией технологического суверенитета. Авторы показывают, что этические нормы ИИ выходят за рамки абстрактных философских дискуссий и закрепляются в конкретных регуляторных режимах, становясь ресурсом легитимации и перераспределения власти в глобальной политике.

Теоретико методологическая основа опирается на подходы философии науки, либерального институционализма, конструктивизма и социотехнического анализа; благодаря этому этика ИИ понимается и как набор принципов, и как механизм международной координации, и как пространство символической борьбы за интерпретацию безопасности, инноваций и суверенитета. На материале стратегий и нормативных актов ЕС, США, Китая, России и стран Азиатско Тихоокеанского региона авторы прослеживают, как этические нормы ИИ институционализируются в различных типах научно технологической политики — от жестких правовых конструкций до гибких схем мягкого права и государствоцентричных моделей стратегического управления. В статье делается вывод о мозаичном характере формирующейся архитектуры глобального регулирования ИИ: универсальные инициативы под эгидой ЮНЕСКО, ОЭСР и ООН задают лишь «этический минимум», тогда как конкурирующие национальные и региональные проекты затрудняют появление единого стандарта. Авторы подчеркивают, что анализ этики ИИ требует учета институциональных конфигураций, распределения ресурсов и конкретных практик научно технологической политики, которые определяют реальные пределы и возможности глобального регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика, технологический суверенитет, глобальное регулирование.

Введение. Быстрое развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) радикально меняет не только экономические и социальные практики, но и конфигурацию глобального политического порядка. Этические аспекты использования ИИ перестают быть вспомогательным «дополнением» к техническим решениям и превращаются в один из ключевых критериев легитимности политики государств, международных организаций и транснациональных корпораций. Вопросы прозрачности алгоритмов, недискриминации, подотчетности и защиты прав человека становятся предметом международных переговоров, а также источником нормативной конкуренции между различными центрами силы.

В этом контексте особенно важным оказывается понятие технологического суверенитета, обозначающее способность государства контролировать критическую цифровую инфраструктуру, данные и ключевые технологии, а также задавать правила их использования на своей территории. Суверенитет уже не сводится исключительно к контролю над пространством и ресурсами в классическом смысле: он все более выражается через влияние на архитектуру цифровых платформ, стандарты разработки и применения ИИ, а также на режимы трансграничного обмена данными [6. Р. 173]. Этические нормы ИИ встраиваются в эти процессы как инструмент выстраивания политических приоритетов и перераспределения власти между государствами, частным сектором и наднациональными институтами.

Сближение этики ИИ и технологического суверенитета проявляется в том, что ведущие державы используют дискурс «ответственного» и «надежного» искусственного интеллекта для обоснования собственных моделей регулирования и механизмов глобального влияния. Европейский Союз делает ставку на жесткое правовое закрепление этических принципов, Соединенные Штаты опираются на сочетание рыночно секторального подхода и мягких норм, а Китай выстраивает государствоцентричную модель, увязывающую развитие ИИ с задачами национальной безопасности и политической стабильности. Эти различия задают не только разные траектории внутренней технологической политики, но и конкурирующие нормативные проекты международного регулирования [3].

Целью статьи является сравнительный анализ того, как этические нормы искусственного интеллекта институционализируются в национальных и наднациональных режимах регулирования и научно технологической политики, а также как через эти режимы переопределяется содержание технологического суверенитета в ведущих центрах силы (ЕС, США, Китай, Россия и страны Азиатско Тихоокеанского региона). Особое внимание уделяется связи между этикой ИИ и технологическим суверенитетом: предполагается показать, каким образом эти категории пересекаются в национальных стратегиях и международных инициативах, и как через них переопределяются границы суверенности в цифровую эпоху. Этика искусственного интеллекта рассматривается не изолированно, а в связке с режимами научно технологической политики и концепцией технологического суверенитета, что позволяет выйти за рамки традиционного про-

тивопоставления «жесткого» и «мягкого» права [7. Р. 421-456]. Статья предлагает аналитическую рамку, в которой этические нормы ИИ интерпретируются как элемент стратегического инструментария государств: через них задаются приоритеты развития, формируются регуляторные преимущества и конструируются различные модели участия в глобальных режимах управления технологиями. Такая оптика позволяет систематизировать различия между европейской, американской, китайской, российской и азиатско-тихоокеанскими моделями не только по формальным юридическим критериям, но и по типам научно-технологической политики, лежащим в их основании.

С исследовательской точки зрения статья опирается на междисциплинарный подход, совмещающий перспективы философии науки, политической теории и исследований глобального управления технологиями. В теоретико-методологическом отношении используются либеральный институционализм, позволяющий рассматривать этические принципы и международные декларации как институты, снижающие неопределенность и транзакционные издержки; конструктивистские подходы, фокусирующиеся на борьбе за закрепление нормативных смыслов в глобальных документах; а также социотехнический ракурс, критически анализирующий техноцентричные интерпретации ИИ.

С точки зрения источниковой базы статья опирается на материалы национальных стратегий и регуляторных актов ЕС, США, Китая, России и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, а также на международные рамочные документы (Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ, Принципы ОЭСР, инициативы ООН и клубные форматы, такие как Хиросимский процесс и Саммит по безопасности ИИ). Это позволяет рассматривать этику ИИ не изолированно, а как часть более широкой архитектуры глобальных режимов регулирования, в которой пересекаются интересы государств, корпораций и международных организаций.

Структурно работа организована следующим образом. В первой части рассматриваются философско-этические основания дискуссий об ИИ и ключевые концепции, связанные с ответственностью, автономией и справедливостью в контексте современных технологий. Во второй части вводится понятийный аппарат технологической политики и технологического суверенитета, а также обсуждается роль этических норм в формировании национальных стратегий ИИ. Третья часть посвящена сравнительному анализу национальных и региональных моделей регулирования (ЕС, США, Китай, Россия, Азиатско-Тихоокеанский регион) с точки зрения того, как в них институционализируются этические принципы. В заключительной части обсуждаются перспективы формирования глобальных режимов регулирования ИИ: рассматривается, возможно ли выстраивание «общего этического минимума» в условиях усиливающейся геополитической конкуренции и фрагментации цифрового пространства.

Методология. Теоретико-методологическая основа исследования опирается на пересечение философии науки, политической теории и исследований глобального управления технологиями, что позволяет связать этику искусственного интеллекта с режимами технологической политики и технологического суверенитета. В рамках философии науки дискуссии об ИИ продолжают более

ранние дебаты об ответственности ученых и инженеров, предсказуемости последствий научно технического прогресса и социальной обусловленности знания. Критика техноцентризма подчеркивает, что этические проблемы не сводятся к корректировке алгоритмов и улучшению датасетов: системы ИИ всегда встроены в сеть институтов, норм и практик, а их воздействие определяется политическим и культурным контекстом применения [14. Р. 209-225]. Социотехнический подход, таким образом, позволяет рассматривать формально «нейтральные» этические кодексы как потенциальный инструмент воспроизводства существующих иерархий, если они не сопровождаются изменениями практик и механизмов участия затронутых групп.

Переход от философско этического уровня к политико научному требует введения понятий технологической политики и технологического суверенитета, которые раскрываются в диссертационном исследовании. Технологическая политика понимается как совокупность стратегий, институтов и инструментов, через которые государство направляет развитие ключевых технологий, распределяет ресурсы и задает правила взаимодействия государства, бизнеса и общества. В этой перспективе искусственный интеллект выступает не только объектом регулирования, но и ресурсом, влияющим на конкурентоспособность, безопасность и легитимность политических режимов. Технологический суверенитет, в свою очередь, описывает стремление государств сохранять контроль над критической цифровой инфраструктурой, данными, вычислительными мощностями и стандартами разработки ИИ; тем самым меняется сама конфигурация суверенитета, который все больше определяется возможностью устанавливать правила доступа к данным и условия функционирования цифровых платформ, а не только контролем над территорией [1. С. 244-250]. Этические нормы ИИ встраиваются в эту логику как инструмент легитимации избранных траекторий технологического развития и перераспределения власти между государством, частными компаниями и наднациональными институтами.

Анализ этой связи опирается на комбинацию нескольких теоретических подходов. Либеральный институционализм позволяет рассматривать международные этические кодексы, рамочные декларации и специализированные организации как институты, снижающие неопределенность и транзакционные издержки в условиях глобальной технологической конкуренции, а также как механизмы координации, задающие общие ориентиры поведения для государств и негосударственных акторов [12. Р. 239-265]. Конструктивистские подходы смещают фокус на процессы конструирования норм и идентичностей вокруг ИИ, интерпретируя дискуссии об «этичном» и «надежном» ИИ как борьбу за закрепление определенных смыслов в международных документах, стратегиях и общественных дебатах. В этом ракурсе европейский человекоцентричный подход, американский акцент на инновациях и китайская логика технологического суверенитета предстают как конкурирующие нормативные проекты мирового порядка, которые не только предлагают различные модели регулирования, но и по-разному формулируют баланс между свободой, безопасностью и развитием. Социотехнический ракурс дополняет эту картину тем, что требует учитывать реальные институциональные практики: распределение ресурсов, механизмы демокра-

тического или бюрократического контроля, формы включения или исключения различных групп из процессов выработки решений. В таком сочетании этика ИИ рассматривается не как абстрактный набор принципов, а как связующее звено между философией науки и эмпирическими режимами глобального управления технологиями, тогда как технологический суверенитет выступает полем, где сходятся нормативные претензии, стратегические интересы и конкретные институциональные конфигурации.

Результаты. Переход от общих этических рамок к анализу национальных моделей показывает, что регулирование ИИ нельзя рассматривать в отрыве от более широкой научно технологической политики государств. В диссертационных исследованиях технологическая политика описывается как совокупность стратегий, институтов и инструментов, через которые государства задают приоритеты научно технического развития, перераспределяют ресурсы и формируют режимы участия частного сектора и научного сообщества. В этой перспективе ИИ выступает не отдельной сферой, а «тестовым полигоном», на котором проявляются устоявшиеся модели взаимодействия государства, рынка и науки, а этические нормы становятся одним из способов легитимации выбранных траекторий научно технологического развития.

Европейский Союз демонстрирует пример того, как этика ИИ встраивается в стратегию превращения регулирования в ключевой ресурс научно технологической политики. Риск ориентированное регулирование ИИ дополняет уже сложившийся в ЕС «регуляторный капитализм», где нормы и стандарты используются как инструмент влияния на глобальные цепочки создания стоимости и экспорт собственных правил за пределы Союза. В результате этические принципы, закрепленные в Законе об искусственном интеллекте [16] и сопутствующих документах, одновременно задают рамки для разработчиков и операторов ИИ и укрепляют роль ЕС как производителя глобальных нормативных эталонов, влияющих на архитектуру мирового рынка технологий.

В США регулирование ИИ продолжает линию научно технологической политики, ориентированной на поддержание лидерства через стимулирование частных инвестиций, конкуренции и предпринимательских экосистем. Рыночно секторальный характер регулирования, опора на отраслевые регуляторы и саморегуляцию крупных платформ отражают устойчивую установку на минимизацию прямого административного вмешательства и максимизацию инновационной динамики. Этика ИИ встраивается в эту конфигурацию преимущественно через мягкое право и корпоративные стандарты, а не через единую централизованную рамку, что усиливает роль крупных технологических компаний как «де факто» акторов научно технологической политики, способных сами задавать содержание многих этических требований.

Китайская модель наглядно иллюстрирует государствоцентричный тип научно технологической политики, где ИИ рассматривается как ключевой элемент долгосрочных планов индустриальной модернизации и усиления национального технологического суверенитета. Высокая доля государственного финансирования, стратегическое планирование и тесная увязка научной и промышленной

политики позволяют Пекину использовать этические и правовые нормы ИИ как инструмент управления направлением научно технического прогресса [17. Р. 79-97]. Этический дискурс при этом подчинен задачам поддержания общественной стабильности и контроля над цифровыми экосистемами, что делает его частью более широкой конфигурации политико технологической власти.

Российский подход к ИИ формируется на фоне научно технологической политики, ориентированной на догоняющее развитие, импортозамещение и защиту технологического суверенитета в условиях санкционного давления. Принятие стратегий развития ИИ [4], Национальной технологии инициативы [5] и кодекса этики в сфере ИИ [2] отражает попытку совместить необходимость ускоренного развития собственных технологических компетенций с задачами минимизации рисков и сохранения контроля над критической инфраструктурой. Рекомендательный характер многих этических норм и осторожное отношение к жесткому регулированию вписываются в более широкий паттерн, когда государство стремится задать общие рамки и ценностные ориентиры, оставляя значительное пространство для экспериментальной и предпринимательской активности, но сохраняя возможность точечного вмешательства.

В странах Азиатско Тихоокеанского региона этика ИИ встроена в научно технологическую политику, ориентированную на ускоренное внедрение цифровых технологий при сохранении общественного доверия и социальной устойчивости [13]. Сингапур и Япония используют механизмы «регулирования через эксперименты» — пилотные проекты, «регуляторные песочницы», поэтапную детализацию норм — что позволяет одновременно тестировать новые технологические решения и корректировать этические и правовые рамки по мере накопления опыта [8. Р. 3265-3279]. Южная Корея, исходя из логики экспортно ориентированной инновационной экономики, делает ставку на массовую интеграцию ИИ в ключевые сектора (здравоохранение, образование, управление рисками), используя этические стандарты как условие поддержания доверия к государству и технологиям в условиях интенсивной цифровизации [10].

Таким образом, включение перспективы научно технологической политики позволяет увидеть, что различия в национальных моделях этики ИИ связаны не только с культурными ценностями или правовыми традициями, но и с устоявшимися режимами организации науки, промышленности и инноваций. Там, где регулирование выступает самостоятельным инструментом внешнеполитического влияния, этика ИИ приобретает форму юридически жестких стандартов; там, где научно технологическое лидерство опирается на частный сектор и гибкость, этика закрепляется преимущественно в формате мягкого права и корпоративных кодексов; государствоцентричные модели преобразуют этические нормы в часть стратегического управления научно технологическим развитием и инструмент поддержания политического контроля. Это создает основу для дальнейшего обсуждения того, в какой мере возможно выстраивание общих глобальных «этических минимумов» на фоне столь разных траекторий научно технологической политики и конкурирующих представлений о технологическом суверенитете.

Обсуждение. Сопоставление национальных и региональных режимов регулирования показывает, что этика ИИ выступает не только нормативной надстройкой над технологиями, но и важным ресурсом политической власти. В европейском контексте жесткое правовое оформление этических принципов делает их средством расширения регуляторного влияния ЕС и фактического распространения его стандартов за пределы Союза за счет условий доступа к общему рынку.

Американская модель демонстрирует иную конфигурацию: этика во многом опирается на мягкое право и корпоративные кодексы, что делает крупные платформы ключевыми акторами нормообразования и переносит центр тяжести с публичного регулирования на частные режимы ответственности [11. Р. 223-259]. В Китае и ряде государствоцентричных систем этические нормы встроены в логику стратегического управления научно технологическим развитием и поддержания политической стабильности, поэтому они фактически превращаются в инструмент внутреннего контроля над направлением и допустимыми формами технологической модернизации.

На этом фоне технологический суверенитет оказывается тесно связан с тем, как государства интерпретируют и институционализируют этику ИИ. В европейской логике он проявляется через способность задавать глобальные нормативные рамки и выстраивать «регуляторные границы» доступа к рынку, в американской — через сохранение лидерства национальных технологических компаний при минимально необходимом уровне публичного вмешательства, в китайской — через концентрацию контроля над критической инфраструктурой и цифровыми экосистемами в руках государства. Российская и многие азиатские модели иллюстрируют попытку выстроить суверенность как баланс между необходимостью участия в глобальных цепочках создания знаний и технологий и стремлением сохранить автономию в определении стратегических приоритетов, что делает этику ИИ частью дискуссий о «праве на собственный путь» в цифровую эпоху.

С точки зрения глобального управления, эти различия формируют не единый режим, а мозаичную архитектуру, где универсальные ориентиры — принципы и стандарты ОЭСР, рекомендации ЮНЕСКО, инициативы ООН — задают общий язык и минимальные ориентиры, но не устраняют конкуренцию нормативных проектов. Этические нормы здесь выполняют двойственную функцию: они снижают неопределенность и создают точки соприкосновения между акторами, но одновременно используются для продвижения собственных моделей развития и закрепления асимметрий в распределении выгод от ИИ. В этом смысле перспектива единого глобального стандарта этики ИИ оказывается структурно ограниченной: даже при наличии «этического минимума» по вопросам прав человека, недискриминации и безопасности, понимание допустимого баланса между безопасностью, инновациями и суверенитетом остается глубоко политизированным и привязанным к конкретным конфигурациям научно технологической политики [15. Р. 524-548].

Социотехнический ракурс позволяет увидеть также, что реальное действие этических норм зависит от распределения ресурсов, механизмов участия и форм контроля над технологическим развитием. Там, где этика подкреплена институциональными механизмами прозрачности, независимым надзором и возмож-

ностью общественного оспаривания решений, она способна выступать реальным ограничителем власти алгоритмов и инфраструктур. Там же, где этические документы остаются декларативными и не сопровождаются изменением практик и институтов, они функционируют скорее как символический ресурс легитимации уже принятых политических решений или как инструмент смягчения критики в адрес существующих режимов доминирования. Это указывает на необходимость рассматривать этику ИИ в связке с более широкими вопросами демократии, участия и доступа к ресурсам, а не только в терминах корректности алгоритмов и соответствия формальным принципам.

Наконец, интеграция перспективы научно технологической политики позволяет уточнить, какие направления дальнейших исследований представляются наиболее плодотворными. Во первых, требуется более детальный анализ того, как этические нормы ИИ встроены в конкретные инструменты технологической политики — программы финансирования, режимы поддержки инноваций, стандарты публичных закупок. Во вторых, перспективным направлением является изучение того, как транснациональные компании и международные сети экспертов участвуют в «переводе» абстрактных этических принципов в отраслевые стандарты и корпоративные практики. В третьих, важной задачей становится сравнительное исследование того, при каких институциональных конфигурациях этика ИИ действительно снижает риски дискриминации и укрепляет демократический контроль, а при каких — маскирует структурные неравенства и асимметрии власти.

Заключение. В заключение проведенный анализ позволяет утверждать, что этика искусственного интеллекта перестала быть периферийной темой и превратилась в один из ключевых элементов конфигурации современного политического порядка. Этические нормы ИИ выступают не только набором универсальных принципов, но и важным ресурсом, через который государства и другие акторы конструируют собственные модели развития, легитимируют выбранные траектории научно технологической политики и перераспределяют влияние в глобальном пространстве. В этом смысле связь между этикой и технологическим суверенитетом оказывается не случайной, а структурной: именно через оформление этических рамок задаются допустимые границы контроля над данными, цифровой инфраструктурой и алгоритмическими системами.

Сравнение национальных и региональных режимов регулирования показывает, что универсальный язык прав человека, справедливости и недискриминации встраивается в весьма различные институциональные контексты. Европейская модель опирается на жесткое правовое закрепление этики ИИ, превращая ее в инструмент нормативной силы и экспортируемый стандарт; американская — на комбинацию мягкого права и корпоративной саморегуляции [11. Р. 223-259], усиливающую роль частных акторов; китайская — на государствоцентричную стратегию, увязывающую этику с задачами контроля и национальной безопасности; российская и ряд азиатских моделей строятся вокруг поиска баланса между участием в глобальных цепочках и защитой технологического суверенитета [9].

В результате глобальная архитектура управления ИИ складывается не как единый режим, а как мозаика частично совместимых подходов, где универсальные документы задают лишь минимальные ориентиры и язык переговоров.

С теоретической точки зрения интеграция философии науки, институционализма, конструктивистских и социотехнических подходов позволяет увидеть, что этика ИИ функционирует на трех уровнях одновременно [18]. Во первых, как набор нормативных требований к разработчикам и пользователям технологий; во вторых, как инструмент международной координации и снижения неопределенности; в третьих, как поле символической борьбы, в рамках которого конкурирующие акторы закрепляют свои представления о допустимом соотношении между безопасностью, инновациями и суверенитетом. Такое многослойное понимание этики позволяет одновременно избежать техноцентричного подхода, сводящего проблему к простой настройке алгоритмов, и абстрактного нормативизма, игнорирующего реальные институциональные контексты и распределение ресурсов.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что проведенный анализ имеет ряд ограничений. Во первых, он опирается преимущественно на текстовые источники — стратегические документы, нормативные акты и международные декларации, — тогда как реальная практика имплементации этических норм ИИ и динамика институциональных изменений остаются за рамками рассмотрения. Во вторых, исследование носит качественный и сравнительно обзорный характер, что не позволяет в полной мере оценить масштаб и глубину различий между национальными режимами регулирования в количественных терминах. В третьих, учитывая высокую скорость трансформации глобального регулирования ИИ, выводы отражают состояние дискуссий и регуляторных инициатив на текущем этапе и требуют последующей верификации по мере обновления стратегий и принятия новых актов. Эти ограничения задают поле для дальнейших исследований, предполагающих более детальный анализ отраслевых практик, эмпирическую оценку эффективности этических режимов и уточнение взаимосвязи между этикой, суверенитетом и научно технологической политикой.

Перспективы формирования единого глобального стандарта этики ИИ в этой оптике выглядят ограниченными, но не исчерпанными. С одной стороны, универсальные инициативы под эгидой ЮНЕСКО, ОЭСР и ООН создают базовый «этический минимум», который облегчает согласование фундаментальных ценностей и процедурных принципов и вынуждает национальные режимы соотносить свои нормы с наднациональными ориентирами. С другой стороны, усиливающаяся геополитическая конкуренция, расхождения в моделях научно технологической политики и различное понимание технологического суверенитета делают более реалистичным сценарий сосуществования множества частично совместимых режимов регулирования, чем появление единого всеобъемлющего кодекса. В этих условиях исследовательская задача заключается не столько в поиске абстрактного «идеального» стандарта, сколько в выявлении тех институциональных условий, при которых этика ИИ действительно способствует снижению рисков, укреплению демократического контроля и справедливому распределению выгод от цифровой трансформации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Капогузов Е.А., Пахалов А.М. Технологический суверенитет: концептуальные подходы и восприятие российскими академическими экспертами // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64).
2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 года) // <https://base.garant.ru/406862712/>.
3. Мартиросян А.Ж. Глобальное управление искусственным интеллектом: рождение новой архитектуры или фрагментация «цифровой повестки»? // Российский совет по международным делам / Аналитика и комментарии. 25.09.2025 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-iskusstvennym-intellektom-rozhdenie-novoy-arkhitektury-ili-fragmentatsiya-tsisif/>.
4. Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // https://a-ai.ru/wp-content/uploads/2024/03/%D98_2024.pdf.
5. Национальная технологическая инициатива // <https://nti2035.ru/nti/>.
6. Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Искусственный интеллект: современные подходы к многостороннему регулированию // Экономика. Налоги. Право. 2025. № 18 (5). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2025-18-5-165-177>.
7. Abbott K.W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54. № 3.
8. Batool A., Zowghi D., Bano M. AI Governance: A Systematic Literature Review // AI Ethics. 2025. Vol. 5.
9. Chun J., de Witt C.S., Elkins K. Comparative Global AI Regulation: Policy Perspectives from the EU, China, and the US. 2024 // <file:///C:/Users/hsmit/Downloads/ssrn-5104429.pdf>.
10. Dae Ryong K. Comparative Analysis of AI Innovation Systems in the US and South Korea // Issues in Information Systems. 2025. Vol. 26. № 1.
11. Davtyan T. The U.S. Approach to AI Regulation: Federal Laws, Policies, and Strategies Explained // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2025. Vol. 16.
12. Ferretti T. An Institutional Approach to AI Ethics // Moral Philosophy and Politics. 2022. Vol. 9. № 2.
13. Gal D. Perspectives and Approaches in AI Ethics: East Asia // Dubber M., Pasquale F., Das S. (eds.). Oxford Handbook of Ethics of Artificial Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 2019 (forthcoming) // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3400816.
14. Green B. The Contestation of Tech Ethics: A Sociotechnical Approach to Technology Ethics in Practice // Journal of Social Computing. 2021. Vol. 2. № 3.
15. Kashеfi P., Kashеfi Y., Ghafouri Mirsaraei A. Shaping the Future of AI: Balancing Innovation and Ethics in Global Regulation // Uniform Law Review. 2024. Vol. 29. № 3.

16. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence // <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.
17. **Roberts H., Cows J., Hine E., Morley J., Wang V., Taddeo M., Floridi L.** Governing Artificial Intelligence in China and the European Union: Comparing Aims and Promoting Ethical Outcomes // The Information Society. 2023. Vol. 39. № 2. DOI: 10.1080/01972243.2022.2124565.
18. **Walter Y.** Managing the Race to the Moon: Global Policy and Governance in Artificial Intelligence Regulation – A Contemporary Overview and an Analysis of Socioeconomic Consequences // Discover Artificial Intelligence. 2024. Vol. 4 // <file:///C:/Users/hsmi/Downloads/s44163-024-00109-4.pdf>.

D.A. TALAGAEVA

PhD in Political Science, Associate professor
at English language department 6 MGIMO University,
Moscow, Russia

D.Yu. KOCHERINSKYI

Postgraduate student at World Political
processes department MGIMO University,
Moscow, Russia

ARTIFICIAL INTELLIGENCE, ETHICS AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: NATIONAL MODELS AND GLOBAL REGULATORY REGIMES

The article examines how AI ethics is intertwined with science and technology policy (STI policy) and the concept of technological sovereignty. Authors argue that ethical norms of AI have moved beyond abstract philosophical debates and become embedded in concrete regulatory regimes, where they function as a resource for legitimation and redistribution of power in global politics. The theoretical framework combines philosophy of science, liberal institutionalism, constructivist approaches, and sociotechnical analysis, which makes it possible to conceptualize AI ethics simultaneously as a set of principles, a mechanism of international coordination, and a site of symbolic contestation over security, innovation, and sovereignty. Based on a comparative analysis of strategies and regulatory acts adopted in the EU, the United States, China, Russia, and several Asia Pacific countries, the article traces how ethical norms of AI are institutionalized within different types of STI policy – from strict legal regimes to flexible soft law schemes and state centric models of strategic steering. The authors show that the emerging architecture of global AI governance has a mosaic character: universal initiatives under the auspices of UNESCO, the OECD, and the UN provide only a minimal ethical baseline, while competing national and regional projects hinder the consolidation of a single comprehensive standard. The article concludes that any meaningful analysis of AI ethics must take into account institutional configurations, resource distribution, and concrete STI policy practices, which define the real limits and possibilities of global regulation.

Key words: artificial intelligence, ethics, technological sovereignty, global regulation.